

Геннадий ВОЛКОВ,
профессор

ДЕСЯТЬ ЭТЮДОВ ОБ ИВАНЕ, ПОМНИВШЕМ РОДСТВО

*Люблю я чуваш, от души
желаю им всякого блага. У ме-
ня в жизни не было другой
цели, как благо чуваш.*

И. Я. Яковлев

День его...

«Образ его имеет черты не только исторические, но и полон тех черт, которые так близки и нужны современному советскому педагогу и общественному деятелю. На примере жизни, трудах и отношении к людям мы учимся у таких людей, как И. Я. Яковлев: как достойно прожить жизнь и как надо воспитывать молодое поколение, чтобы оно было проникнуто высокими идеями коммунистической морали, долга перед Родиной. Высокая идейность, труд и непрерывное совершенствование своих знаний, своего мастерства в работе. Все это мне хочется сказать, вспоминая выдающегося чувашского деятеля в области просвещения И. Я. Яковлева, это должно быть неотъемлемыми чертами современного человека».

Читая эти строки в мае 1961 года, я не просто с благодарностью подумал о замечательном ленинце, члене КПСС с 1896 г., Герое Социалистического Труда Ф. Н. Петрове, но и произнес про себя, думая об И. Я. Яковлеве: «День его настал».

Оказалось, что ошибся. Юбилейный 1968 год превзошел все ожидания. Этот год стал «Годом Ивана Яковлева». «Меня интересует судьба инспектора Ивана Яковлевича Яковлева...» Так писал В. И. Ленин. Этой судьбой заинтересовались в мире все, кому дороги судьбы культуры и народов.

120-летие со дня рождения И. Я. Яковлева и 100-летие со дня основания им школы в Симбирске прошли на том же уровне высокой торжественности, что и 80-летие патриарха чувашской культуры, отмеченное в 1928 году по всей стране по инициативе А. В. Луначарского и Н. К. Крупской.

Юбилейные научные сессии и конференции прошли в Москве, Ульяновске, в Чебоксарах, во многих районах и средних школах Чувашии.

С докладами выступили такие известные педагоги, как действительный член АПН СССР Ф. Ф. Королев, член-корреспондент АПН СССР М. Я. Сироткин, проф. С. Ф. Збандуто (Украина), проф. Б. С. Сулейманов (Казахстан), проф. Д. А. Балика (Горький) и многие другие. Министр просвещения РСФСР А. И. Данилов сказал: «Нужно было поистине аккумулировать в себе многообразную одаренность родного народа для того чтобы, выйдя на арену общественно-педагогической деятельности юношей, упорно, целеустремленно и самозабвенно более 50 лет служить просвещению народа».

В юбилейный год о И. Я. Яковлеве опубликовано более ста статей. Так, например, в газетах Ульяновска в течение пяти дней первой половины октября было опубликовано 7 статей. На юбилей откликнулись все ведущие педагогические журналы страны, многие литературные журналы, газеты... Педагогические газета и журнал Грузии опубликовали две больших статьи известного грузинского историка педагогики Д. Х. Гургенидзе; статьи иллюстрированы любовно выполненными портретами И. Я. Яковлева.

Юбилейные торжества показали о бесповоротном и окончательном решении вопроса об оценке прогрессивного и демократического наследия И. Я. Яковлева в соответствии с указаниями В. И. Ленина. Пример партийного принципиального подхода к бесценному наследию подали руководители партийных и правительственных органов. Статьи секретарей Чувашского обкома КПСС Н. А. Вороновского («Правда» от 20 ноября 1968 г.), И. П. Прокопьева (вводная статья в сборнике «И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников»), председателя Президиума Верховного Совета Чувашской АССР С. М. Илюкова («Известия» от 26 ноября 1968 г.), председателя Совета Министров Чувашской АССР В. М. Зайцева («Советская Россия» от 21 ноября 1968 г.) явились крупными вкладками в яковлеведение. Кроме этого, «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Учительская газета», «Литературная Россия» поместили ряд других информации о юбилее. Ни один из чувашских деятелей до сих пор не пользовался таким вниманием, какое оказано И. Я. Яковлеву в юбилейном году. Главным итогом юбилейных торжеств явилось завершение длительной и упорной идеологической борьбы вокруг имени национального гения чувашского народа, окончательно утвердившей единственно правильную оценку его деятельности, данную В. И. Лениным. Навсегда положен конец явным и неявным попыткам ревизовать мысли В. И. Ленина о Яковлеве. Исторические указания вождя о народном просветителе для всех стали законом, принимаемым безоговорочно.

Настоящие этюды явились результатом раздумий, порожденных юбилейными днями. В них по ходу изложения привлечены неизвестные и малоизвестные документы и материалы.

1. Усыновление

Напротив того дома, в котором я родился, жила женщина-чувашица. Она из милосердия и стала кормить меня грудью, не беря за это вознаграждения. Надо заметить, что у чуваш такое добродетельное не считается чем-то особенным. Если остаются сироты, то их разбирают по домам и воспитывают наравне со своими детьми.

И. Я. Яковлев

Иван Яковлевич Яковлев родился 18 апреля (по ст. стилю) 1848 г. в деревне Кошки-Ново-Тимбаево Бунинского уезда Симбирской губернии (ныне — Татарская АССР).

Детство будущего учителя чувашского народа было очень тяжелым, на второй день после своего рождения он остался круглым сиротой — отец умер до его рождения, а мать — от послеродовой горячки. Старинные обычаи чуваш требовали, чтобы для новорожденного родители служили примером. Старуха-повитуха пуповину новорожденного мальчика резала на кочедыке, топоре или на каком-либо другом рабочем инструменте отца и приговаривала: «Будь как отец трудолюбив, будь мастером на все руки». Благословляя новорожденного быть похожим на родителей, мальчика заворачивали в белую вышитую рубаху отца. В этих обычаях было всегда больше смысла для родителей, нежели для новорожденного: в благопожелании содержался призыв к трудолюбию и надо было заслужить подобное обращение к детям, только что появившимся на свет. Среди родителей могли быть и ленивые, и нетрудно себе представить положение таковых при благословении детей быть такими же трудолюбивыми.

Все обычаи были в точности соблюдены и с новорожденным сиротой. В случае рождения сына благословение не содержало упоминания о матери. Ивану желали быть похожим на отца. Это вызывало у матери горестные раздумья и слезы о преждевременно умершем муже. Радоваться было нечему: у вдовы, кроме новорожденного, было три ребенка. Благопожелание оказалось бессмысленным и для Ивана: ему не было суждено жить с отцом, с матерью, учиться труду, глядя на них, брать в жизни пример с них. Ему, лишившемуся матери, грозила голодная смерть.

Двухдневного сироту усыновила семья соседей Пахомовых. Но в этой семье не было кормящей женщины, которая заменила бы новорожденному родную мать. Напротив того дома, в котором родился И. Я. Яковлев,

жила мать с грудным ребенком. Она взялась выкормить усыновленного сироту.

Фамилию и отчество дали маленькому Ивану по крепостному крестьянину Якову Яковлевичу, принадлежащему помещику села Жуково.

Так началась жизнь И. Я. Яковлева: с первых же дней он стал подопечным крепостного, попал в народную среду, с первых же дней жизни испытал на себе добрые обычаи своего родного народа. Исключительное своеобразие судьбы будущего педагога в том, что он сразу после рождения стал в буквальном смысле сыном народа: его усыновила крестьянская семья, вскормила добрая крестьянка из другой семьи, заботилась вся деревня, верная обычаям народа.

Преданным сыном своего родного народа он оставался и тогда, когда стал его учителем.

Вскоре И. Я. Яковлев опять стал (уже который раз!) сиротой: умерла неродная мать. Он с благодарностью вспоминал о том, что бабушка и приемная сестра всегда его защищали от мачехи: «Бабушка и падчерица упрекали мачеху в том, что она вопреки обязательству держать меня как приемыша наравне с родными детьми... плохо одевает меня и т. д.». Эта защита имела значение: крупных столкновений в семье из-за него все-таки не было.

В раннем детстве И. Я. Яковлев был болезненным, тщедушным и молчаливым ребенком. Это объясняется просто: для растущего ребенка не было полноценного питания — чуваша тогда, да и потом, питались, вследствие крайней бедности, чрезвычайно плохо.

«Рос я без нежностей, даже в суровости, рано начал участвовать в крестьянских работах», — писал И. Я. Яковлев с своем детстве. На восьмом году он начал принимать участие во всех крестьянских работах, доступных ему по возрасту: бороновал, жал рожь, косил, пахал, запахивал рожь во время сева, по ночам пас лошадей, ездил со старшими в Тетюши для продажи огурцов и картофеля, плел лапти и т. п. Ранней весной и поздней осенью, по истечении договорного срока работы деревенских пастухов, он пас скот. До самой старости он грустно шутил по этому поводу: «Говорят, что я был пастухом. Преувеличивают: я был всего-навсего подпаском».

Работать в иных случаях приходилось до изнурения. Дело в том, что, если и был доступен тот или иной вид труда семи-восьмилетнему мальчику, выполнение его в течение продолжительного времени становилось непосильным. В особенности же трудным для мальчика делом было участие в пахоте, эта работа очень изнуряла его, и после дня пахоты руки у него дрожали так, что при еде он не мог донести ложку до рта и расплескивал ее. В этом не было ничего жестокого: во всех крестьянских семьях делалось то же самое.

Усердие мальчика в сельскохозяйственных работах, его рабочая сноровка радовали и старика Пахомова, и других членов семьи. Радоваться было чему: будучи еще маленьким мальчиком, он, например, дошел до того, «что нажинал в день 100 снопов один». Им дорожили Пахомовы. Наметанный глаз старика подметил в нем черты будущего хорошего крестьянина-работника, и старик искренне верил, что его хозяйство, имея такого ревностного труженика, будет приумножать свои богатства. Однако обстоятельства совершенно неожиданно приняли другой оборот.

В то время удельное ведомство производило насильственный набор учащихся в свои школы. Об этом периоде хорошо написано в поэме К. В. Иванова «Современность». Набор в школу походил на рекрутский набор. Весной 1856 года в Кошки приехал специально присланный десятский, взял мальчика прямо с поля, где он работал, и, несмотря на настоячивые протесты семьи, увез его в Бурундуки для помещения в училище удельного ведомства. Школа с преподаванием на русском языке для чуваш в то время была пугалом. С XVI века в памяти народа сохранилась страшная пословица: «Дом школы — дом смерти».

II. Хорошая Россия крестьянина Гаврилы Мушкеева

Русский человек — добрый человек.

*Чувашское
приветствие.*

Я поставил своей жизненной задачей служить делу сближения русского народа с одной из включенных в него историческими судьбами национальностей — чувашами.

И. Я. Яковлев

Во время учебы в Бурундукской удельной школе И. Я. Яковлев жил в семье Мушкеевых.

Семью Мушкеевых возглавлял Гаврила Иванович — могучий русский богатырь, способный ко всякому делу, гуманный в домашнем обиходе, твердый в слове хозяин — работник, гнушавшийся всякой торговли и легких барышей, но умеющий мастерски вести свое собственное крестьянское хозяйство. Занявшись пчеловодством, он сразу овладел техникой этого деликатного и тонкого дела; увлекшись рыбной ловлей, быстро и скоро

овладел искусством плетения рыболовных сетей; заинтересовавшись дублением кож, сразу постиг тайны этого мастерства, но не стал применять его для наживы, а ограничивался тем, что выделывал кожи для себя и для своих родных и друзей. Гаврила Иванович был человек напряженного труда, не мог оставаться ни минуты без дела. Работая не покладая рук сам, Гаврила Мушкеев своим трудолюбием заражал и других, но действовал более примером, чем наставлениями и внушениями, и никогда не прибегал к наказаниям. Он никого не обижал, все его уважали и побаивались. Мальчика «Ванюшку» Мушкеев любил за сообразительность и смекалку, за трудолюбие и почтительное отношение к старшим, за удивительную неутомимость и предельную выносливость в любой работе. И. Я. Яковлеву доставляло огромное удовольствие выполнять поручения Гаврилы Ивановича на пчельнике, куда тот часто брал его, оказывать сильную помощь во время рыбной ловли, на которую «Ванюшка» также нередко отправлялся со своим дядей Гаврилой. Г. И. Мушкеев, обладавший природной педагогической мудростью, усмотрел в И. Я. Яковлеве незаурядные способности и любознательность и по возможности старался их всемерно поддерживать и развивать в нем: знакомил с тонкостями всех доступных мальчику видов ремесел, а в свободное время водил его на прогулки в лес и рассказывал ему сказки, легенды, предания русской старины, сообщал много интересного из русских национальных обычаев, как бы мимоходом открывая перед мальчиком духовный мир трудового крестьянина. Как много значили для И. Я. Яковлева эти незабываемые «уроки», даваемые ему народным педагогом!

Члены семьи Мушкеевых, видя, как доброжелателен глава семьи к ребенку-сироте, следовали его примеру. Особенно отличалась жена Гаврилы Ивановича. Она старалась при всяком удобном случае приласкать сироту. Кормила его не только наравне со всеми членами семьи, но и особо угощала праздничной едой. Сам И. Я. Яковлев вспоминал годы пребывания в семье Мушкеевых как самую светлую пору своего детства. О Гавриле Мушкееве он с благодарностью вспоминал до самой смерти. И. Я. Яковлев с благоговением писал в своих мемуарах о Мушкееве, что он рисуется ему «каким-то русским богатырем, духовно-нравственным гигантом, словом, замечательным во всех отношениях выдающимся русским человеком».

Семья Мушкеевых была тем воспитательным очагом, который сделал выдающегося просветителя человеком, безгранично преданным интересам русского народа и матери-России. Жизненный пример русского крестьянина помог сложиться символу педагогической веры замечательного педагога. О первом и настоящем своем русском учителе И. Я. Яковлев писал: «Основой всей его жизни был труд. По его убеждению, человек не может жить без труда и должен в труде искать себе на земле счастье. Счастье вне труда для Мушкеева не существовало».

Подчеркивая русское влияние на свое формирование, И. Я. Яковлев отмечал, что ему везло на добрых и хороших русских людей. В их числе были потомки Ивана Сусанина, Раевского, самым близким его другом стал И. Н. Ульянов. Потому он и в своем завещании с полным основанием мог писать: «На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет по-рукой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу».

III. Уроки дружбы и братства

«И ранее у меня бродили в голове мысли о том, что у других народов была же своя письменность,— почему же ее нет у родного мне племени чуваш?»

И. Я. Яковлев.

В 1864 г. И. Я. Яковлев стал мерщиком удельного ведомства. Оказался он в Винновке, в верстах 50 от Самары ниже по Волге. Юный землемер жил в местности, которая находилась в ущелье, а квартира его была у гнилого ручья, впадавшего в Волгу. Летом 1864 г. он тяжело заболел лихорадкой. Болезнь его извела. Не только врача, но и фельдшера в окрестностях не было.

И. Я. Яковлеву повезло: узнав об одиноко умирающем сироте-мерщике, приехал поляк О. Л. Коссинский. Он увез его к себе в Аскул. Уступил ему свой кабинет. «Дружба — благо, она целебную силу имеет», — говорили чувашки. Через две-три недели И. Я. Яковлев поправился.

Пребывание будущего просветителя в семье Коссинских для него имело решающее значение в смысле укрепления в нем мысли о необходимости для чуваш письменности.

Здесь состоялись встречи Яковлева со многими культурными поляками. «Я видел до того книги только на русском и татарском языках. А тут вдруг узнал, что у поляков, как и у других образованных народов, существуют книги на своем родном языке. Почему же, думалось мне, нет таких книг на чувашском языке, у чуваш? Мне было досадно и обидно». Мысль о родной письменности, на которую Яковлева натолкнуло пребывание в гуманной и сердечной семье Коссицких, была поворотной. В этой семье под влиянием горячих разговоров о свободе Польши началось пробуждение национального самосознания будущего учителя чувашского народа.

Землемерная работа, которую предлагал О. Л. Коссинский не лучшему из мерщиков, хотя и весьма способному, воспринималась как замаскиро-

ванная материальная помощь юноше, загоревшемуся желанием просветить единоплеменников. «Эти работы и связанный с ними заработок убедил меня в том, что для того, чтобы чего-нибудь добиться, нужно получить образование, т. е. идти в гимназию и университет». Яковлев твердо решил: чем он будет образованнее, тем полезнее будет родному народу. Некоторое время спустя подобные же мысли он вычитал у Н. Г. Чернышевского.

Под влиянием образованной и культурной семьи Коссинских и ее окружения Яковлев узнал, что у чуваш есть грамотные люди, пробующие писать по-чувашски, но остающиеся неизвестными народу из-за его темноты и невежества. Год-два напряженных поисков дали результат. Яковлев со слезами на глазах читал «чувашского Пушкина» — Хведи Чуваша, творившего в одно и то же время с великим русским поэтом. Сомневающимся и колеблющимся в надобности чувашской письменности он на родном языке декламировал:

Плачет жалобно чибис в осоке:
Нет подруги и нет чибисят.
Над обрывом грустит вяз высокий,—
Обнаженные корни висят...
Так и мы...
Нас в различные сроки
И беда и печаль посетят.

«Обнажатся корни народного древа, и чувашский народ погибнет», — с беспокойством думал Яковлев, читая Хведи Чуваша. И все больше и больше убеждался в том, что родной народ можно спасти только просвещением. Ему очень хотелось, чтобы все чуваша, обездоленные и затравленные, знали, что о них сказал их поэт:

Жил, на черной работе состарясь,
Но душа моя чистой осталась...

Из-за кого вынуждены страдать бедные души? Ответ на вопрос нашел будущий педагог у поэта:

У богатого ж—коль обнажить—   На рубле может сотню целковых,
Созесь черная: алчен и ловок,   А на сотне — и тыщу нажить.

Яковлев тоже мог разбогатеть: взяв отпуск на три недели в конце августа, он отправился к Коссинскому, исполнил его поручение, начатое еще раньше, и получил колоссальную по тому времени сумму — 400 рублей (казенное его месячное жалованье равнялось 10 руб.). Вскоре племянник Коссинского, наслушавшись восхищенных отзывов своего дяди о талантливом и очень добросовестном мерщике, предложил ему произвести по частному заказу землемерные работы на 6000 рублей. Яковлев не

принял этого предложения. Он твердо решил, что счастье — не в личном богатстве, а в служении народу, что ни один сын народа не может быть счастливым, если несчастен родной народ.

Позже И. Я. Яковлев разыскал сочинения чувашского ученого и поэта Спиридона Яндуша, чья историческая песня о судьбе родного народа навсегда сохранилась в памяти начинающего просветителя:

Мы чувашами родились	«Кто вы, что вы за народ,
И у Волги поселились.	Ваш откуда род идет?»
Любопытствуя подчас,	Кто такие предки ваши?»
Дьяки спрашивают нас:	

Казавшиеся слабыми и хилыми ростки родной культуры служили Яковлеву опорой. Он понимал, что нельзя народ вести к прогрессу, не опираясь на таящиеся в нем потенциальные силы и возможности. Он спорил с грамотными чувашами и образованными русскими о судьбе родного народа и его культуре. Он говорил горячо, убеждал, доказывал. А у юноши не было даже гимназического образования. Но все было впереди. Ему не исполнилось еще и девятнадцати лет, Буинский училищный Созет в официальном документе был вынужден сделать историческое признание о нем, как о «честном чувашенине, преданном делу образования своих единоплеменников».

IV. Школа-семья

Воспитание... в сущности требует, чтобы сила воспитателя была силою отца, оживленную присутствием всей совокупности семейных отношений.

И. Т. Неоталоци.

Нельзя не указать и на то, что в школе, кроме учебной, и воспитательная часть поставлена весьма хорошо: все мальчики составляют как бы одну семью.

И. К. Чюянов

В августе 1867 г. И. Я. Яковлев выдержал экзамены в пятый класс гимназии. «Так как мне было хорошо при подобных условиях в гимназии, то мне все более и более хотелось, чтобы также хорошо могло житься и другим. Почему, думалось мне, нельзя и чуваш сделать такими же

счастливыми, довольными, как я, дав и им возможность получить солидное образование. В 1868 г. у меня окончательно окрепла решимость относительно просвещения чуваш и необходимости создания для них этой целью особой чувашской школы».

Летом 1868 г. Яковлев поехал на каникулы в свою деревню. Там он уговорил Алексея Рекеева приехать учиться в Симбирск.

Осенью 1868 г. (Яковлев в своих воспоминаниях называет точный день — 28 октября 1868 г.) Рекеев не приехал, а пришел пешком в Симбирск. День прихода в школу первого ученика принято называть днем рождения Симбирской чувашской школы и яковлевского периода в чувашском просвещении. За ним последовал к Яковлеву сын бедного русского крестьянина Иван Исаев, владеющий чувашским языком как родным. Любопытная деталь: школа-семья — будущий источник возрождения всей чувашской культуры, как ее называл А. В. Луначарский, имела однородный национальный состав только при одном ученике. Второй ученик в школе Яковлева был русским, и школьная среда с первых же дней существования стала интернациональной. Вскоре число учащихся выросло вдвое и стало равно четырем. Так было во всей последующей полувековой истории Симбирской чувашской учительской школы: в ней всегда обучалось не менее 15—20% детей русских крестьян. Это было необходимо для упражнений и в русской речи, и для сближения чуваш с русскими в совместном быту. В первое время школа-семья безвозмездно обитала в квартире С. Д. Раевского. О нем и его сестре К. Д. Раевской у Яковлева до самой смерти сохранились самые теплые воспоминания. На молодого просветителя потрясающее впечатление произвело то, что брат и сестра лично знали А. С. Пушкина. И. Я. Яковлев со своими учениками проводит «пушкинские вечера»: часами читает, перечитывает, декламирует стихи великого поэта — Александр Пушкин становится первым учителем русского языка в чувашской школе. В красоте стихов лучше воспринимается красота языка великого народа. Делаются первые попытки перевести произведения А. С. Пушкина на чувашский язык. К некоторым из них приспособляются старинные чувашские мелодии. Новые песни с воодушевлением поет Алексей Рекеев. Великий русский поэт становится очень понятным, очень близким и очень родным.

«Со стороны руководителя школы, — подчеркивал И. Я. Яковлев, — никогда не делалось никакого различия между воспитанниками — будь то чувашин, мордвин, русский, татарин». На тему дружбы народов Поволжья с русским народом И. Я. Яковлев написал чудесный рассказ «Рыбная ловля» и включил его в свой «Букварь для чуваш».

Неизменным руководителем школы-семьи оставался Яковлев. Со своими учениками он занимался не только русским языком, но и математикой, чувашским языком и др.

Когда в 1870 г. Яковлев поступил в Казанский университет, ответственным за порядок в школе-семье был назначен первый ученик школы Рекеев, который письменно отчитывался перед создателем и руководителем школы еженедельно, а то и чаще. Каждый ученик также посылал Яковлеву личный отчет. Эти самоотчеты были не только средством педагогического контроля, но и письменными работами по русскому языку: Яковлев после тщательной проверки с замечаниями, порою в 2—3 раза превышающими текст письма, возвращал их ученикам. Сердечные письма, проникнутые отеческой заботой о детях, до сих пор воспринимаются как волнующие документы, свидетельствующие об исключительном человеколюбии «Ивана Доброго», «Ивана, помнящего родство».

Осенью 1869 г. первыми визитерами нового инспектора народных училищ Симбирской губернии был Яковлев, который представил И. Н. Ульянову своих питомцев. После отъезда Яковлева в Казань И. Н. Ульянов оказывал школе-семье самое горячее содействие. За советами к Илье Николаевичу ходили Игнатий Иванов, Алексей Рекеев и др. Да и сам И. Н. Ульянов очень часто стал бывать в этой школе.

V. Первая чувашская народная книга

Потребность в чувашских книгах очень велика,— они быстро распространяются.

И. Я. Яковлев.

Задолго до университета Яковлев начал изучать возможности создания чувашской письменности. Внимательно изучал историю не только славянской письменности, но и других народов. Особенно напряженной стала работа по созданию чувашского алфавита в 1870—1871 гг.

10 ноября 1871 г., наконец, сбылась мечта Яковлева: чувашский букварь, созданный им, получил разрешение к печатанию. В январе 1872 г. он увидел свет, букварь был встречен чувашским населением восторженно. Весь тираж быстро разошелся. В 1873 г. книга выходит вторым изданием.

«Букварь для чуваш» И. Я. Яковлева — первая подлинно народная книга, которая была прямой противоположностью миссионерским установкам Ильминского и Золотницкого: «...в составленных им букварях для татар и чуваш... умышленно исключены все вообще народные тексты (народные песни, устные рассказы и т. д.) с тем, чтобы не развивать в ино-

родцах никаких инстинктов, способных отдалить их от русского народа». И. Я. Яковлев, считавший национальный подъем чуваш своим первейшим долгом и священной целью жизни, в букварь включил 23 небольших рассказа, 45 загадок и до 400 пословиц и поговорок, любовно собранных им самим.

С восхищением принял первый букварь И. Н. Ульянов. Он стал первым и самым горячим пропагандистом яковлевского букваря: «...Я получил вчера и экземпляр Вашей книжки,— писал И. Н. Ульянов 5 апреля 1873 г. И. Я. Яковлеву.— Очень рад за Вас, что она окончилась печатанием, постараюсь употребить с своей стороны возможное содействие распространению ее в чувашских школах».

С этого букваря начинается культурный прогресс чувашского народа. Через букварь Ивана Яковлева лежал и путь Андрияна Николаева в космос.

VI. Ульяновы

С И. Н. Ульяновым мы в очень хороших отношениях. Он — человек добрый и хороший, всегда готов оказать содействие там, где нужно, и это для нас весьма важно.

И. Я. Яковлев.

...Ваш покойный батюшка Илья Николаевич, будучи назначен в Симбирск на должность директора народных училищ Симбирской губернии, застав уже Симбирскую чувашскую школу в ее зачаточном, так сказать, союнии, убежденно, вдумчиво, горячо оказывал ей всяческое содействие по пути ее развития и процветания.

И. Я. Яковлев.

*(из письма В. И. Ленину
от 12 ноября 1919 г.)*

О дружеских отношениях между семьями Ульяновых и Яковлевых написано много.

За последние годы выявлено много новых интересных материалов. Дружба между Ульяновыми и Яковлевыми выдержала испытание време-

нем: дружило второе поколение Ульяновых и Яковлевых, продолжает дружить и третье поколение: это — внуки Илья Николаевича и Ивана Яковлевича — Ольга Дмитриевна и Ольга Алексеевна. У А. И. Яковлева, старшего сына Ивана Яковлевича, сохранилась книга с дарственной надписью: «Дорогому Леле в память 60-летней дружбы. Дм. Ульянов. 1943. V. 23». Мне довелось держать в руках рецепт, собственноручно выписанный Д. И. Ульяновым О. П. Яковлевой. Очень много других свидетельств об удивительно трогательной дружбе младшего сына И. Н. Ульянова и старшего сына И. Я. Яковлева.

И. Я. Яковлев очень любил Александра Ульянова и восхищался его талантом. Это чувствуется и в воспоминаниях педагога. «Золотая голова», — говорил он об Александре.

В своей семье Илья Николаевич Ивана Яковлева любовно называл «Иваном добрым». Это слышал и Владимир Ульянов. Мария Александровна подолгу беседовала с молодым Яковлевым о литературе, искусстве и даже — античном театре.

Симбирской чувашской школе помогал не только Илья Николаевич, но и его дети, особенно — Александр и Владимир. Примечательно, эта помощь была не только материальной. Так, например, Владимир Ульянов два года давал уроки учителю чувашской школы Никифору Охотникову. До этого, в 1882 году, Илья Николаевич юного Никифора Охотникова возил в Москву на Всероссийскую промышленно-художественную выставку.

В семье Ульяновых частыми гостями были многие ученики И. Я. Яковлева — А. Рекеев, И. Иванов, Н. Охотников... А первый учитель яковлевской школы В. Калашников стал домашним учителем детей И. Н. Ульянова, в том числе и Владимира. Дом Ульяновых был своего рода штабом просвещения населения Симбирской губернии, как чувашского, татарского, мордовского, так и русского.

В доме Яковлева частыми гостями были все Ульяновы. В день смерти отца первой семьей, которую посетил Владимир Ильич, были Яковлевы. В дни похорон И. Н. Ульянова младшие дети жили у Яковлевых. Гроб с телом покойного из рук Владимира принял И. Я. Яковлев вместе с другими сослуживцами И. Н. Ульянова. Мимо гроба педагога-демократа прошли все ученики чувашской школы. В церкви отпевал И. Н. Ульянова лучший хор Симбирска — хор чувашской школы. Пели и по-чувашски. Это была светлая дань замечательному просветителю, так много сделавшему для защиты чести и достоинства чувашского народа, его культуры, его языка.

Добрые отношения между Ульяновыми и Яковлевыми служат ярким примером сближения и упрочения дружбы двух народов — русского и чувашского.

VII. Гроза мракобесов

Светом разгоним мрак.

И. Я. Яковлев.

Подробный рассказ о борьбе Яковлева с церковнослужителями, с реакционно настроенными педагогами, с бюрократическим чиновничеством занял бы не один толстый том. Публицистические произведения И. Я. Яковлева, разоблачающие мракобесов, вызывают восхищение: отповедь анонимному автору С. Е. Н. почти на 100 страницах, не дозволенная цензурой к печатанию, ответ окружному начальнику, статьи с привлечением документов, разоблачающих царских чиновников Свешникова, Боговяленского, Кульчицкого и многих других...

Дружба с прогрессом и прогрессивными людьми была опорой в борьбе с мракобесами. В борьбе с мракобесием И. Я. Яковлев получал постоянную поддержку И. Н. Ульянова.

Льва Толстого Яковлев называл львом русской культуры. К Толстому ездили чуваша за советами, с ним переписывались воспитанники Симбирской чувашской школы, был у него и сын Яковлева — Алексей.

В школе проводятся музыкально-литературные вечера, посвященные Гоголю, Отечественной войне 1812 г. Проводятся беседы о Леонардо да Винчи, Ломоносове, Ньюtone. Торжественный вечер, посвященный великому педагогу славян Коменскому в 1894 г., навсегда остается в памяти будущих и настоящих учителей. В школе с благоговением произносится имя великого чешского гуманиста. Сам Иван чувашский не раз и не два повторяет о Яне чешском: «У педагогики есть отец — Ян Амос Коменский, но нет еще матери — доступной всем всеобщей школы с обучением на родном языке». Конспектируются и распространяются по глухим чувашским селениям труды Гогебашвили; читаются доклады о Руссо, Дистервеге, переводятся сочинения Песталоцци... Издаются первые чувашские книги по педагогике, медицине, сельскому хозяйству. Выходит гениальная поэма Константина Иванова «Нарспи». Издателем и редактором ее был Иван Яковлев.

В 1903 г. Яковлева отстраняют от должности окружного инспектора чувашских школ как «лицо неблагонадежное». С 8 июля 1908 г. Яковлев находится под негласным надзором полиции. Вынашивается план закрытия его детища как школы, готовящей сепаратистов и революционеров. Мракобесы злорадствуют.

Чудом удается сохранить школу.

Прогрессивные русские деятели и чувашские трудящиеся 40-летие

школы и 60-летие И. Я. Яковлева отмечают как светлый праздник народов Поволжья. Это был вызов мракобествующим царским чиновникам в период реакции после первой русской революции.

VIII. Поездка к Ивану Сусанину

В характере чуваш есть много симпатичного, но у них иногда не хватает той энергии, того широкого, удалого размаха, той мощи духа, того творчества, какие встречаются зачастую у русских.

И. Я. Яковлев

«Чем глубже узнаете Россию, тем сильнее вы ее полюбите»,—сказал И. Я. Яковлев, обращаясь к своим ученикам перед путешествием по России в 1896 году.

Поездка 50 учеников Симбирской школы на заработанные в школьных мастерских деньги в Н. Новгород, Москву, Петербург, Ярославль, Кострому... Посещение Третьяковской галереи, Кремля, белокаменного дворца Петра, храма Ильи Пророка, Ипатьевского монастыря было незабываемым. Впечатление усиливалось яркими рассказами И. Я. Яковлева.

Рассказ его об Иване Сусанине был вдохновенной поэмой, прославляющей мужество и героизм русских людей.

Зародилась мечта об осуществлении постановки оперы «Иван Сусанин» силами учащих школы.

Постановка удалась через много лет и вызвала многочисленные восторженные отзывы.

Потомок Ивана Сусанина, прекрасно знавший деятельность И. Я. Яковлева, не скрывал своего благоговения перед чувашским просветителем-гуманистом: «...Невежество и темнота наши не позволяют нам надлежащим образом выразить вам ту признательность, какую вы заслужили. Однако я верю, что дети наши, внуки и правнуки заговорят о вас не так, как мы, и все сделанные вами дела оценят именно той ценой, какой они стоят».

Так сказал А. К. Сусанин на чествовании И. Я. Яковлева в связи с 60-летием со дня его рождения. О ответ на эту приветственную речь И. Я. Яковлев сказал, что ему особенно приятно видеть признание его дела со стороны исконно русского человека, каким является потомок Сусанина.

Хор с особым воодушевлением исполнил «Славься» — финал оперы Глинки «Иван Сусанин». Начав с финала, Иван Яковлев через пять лет сумел осуществить постановку всей гениальной оперы.

IX. Владимир Ленин и его золотая колыбель

Володю Ульянова я хорошо помню в разные возрасты его жизни.

Ничего... Владимир Ильич не оставит моих чуваш.

И. Я. Яковлев.

Известны две телеграммы В. И. Ленина о Яковлеве и две его записки, связанные с первой телеграммой. Обнаружены три письма Яковлева Ленину. Сохранились ссылки на Ленина в частных письмах Яковлева и его большое воспоминание о вожде.

Свои воспоминания о Ленине старый демократ начал писать до прихода белочехов в Симбирск. Работа не прерывалась и тогда, когда шел жестокий бой за город. Рвались снаряды, слышались ружейные залпы. Еще не было известно, каков будет исход борьбы за Симбирск. Весьма символично, что И. Я. Яковлев и в это время продолжал диктовать свои воспоминания о Ленине. Это ли не дань уважения тем, за кем будущее? Это ли не вера в окончательную победу большевиков?

Подробный разбор истории первой телеграммы В. И. Ленина, пришедшей в Симбирск в дни 70-летия со дня рождения И. Я. Яковлева, занял бы много места и мог бы послужить темой самостоятельной книги. Нельзя не обратить внимания на резолюцию Ленина: «Прошу прислать мне лично счет за эту телеграмму». Показательно подчеркивание слова «лично» самим Ильичем. К судьбе И. Я. Яковлева В. И. Ленин относился как к судьбе человека лично ему близкого и дорогого.

Воспоминания Яковлева о Ленине, частично опубликованные в 1925 г. в одесских «Известиях», были первым воспоминанием о вожде, написанным и опубликованным беспартийным демократом.

9 апреля 1870 г. Яковлев написал классное сочинение. Тема его — «О влиянии театра». Не последним ли было оно в том учебном году? Гимназистом, который был старше всех своих соклассников, в сочинении высказывались необычные для товарищей и неожиданные для учителя мысли. «Театр должен служить народу», — писал Яковлев, думая, что всё и все должны служить народу. Много было приведено интересных

фактов из истории автичного театра. Факты, сообщенные ему Марией Александровной Ульяновой во время долгих вечерних бесед, как раз здесь пригодились. Сочинение разбиралось на уроке 10 апреля. Яковлев начал возражать учителю русского языка Матвею Васильевичу Барсову. Сокласники с восхищением слушали доводы Яковлева. Одобрение учеников раздражало учителя. Вышла ссора.

Яковлев, расстроенный, пошел домой. Ходил по улицам, не находя себе места. Проходил мимо тюрьмы. Зачем-то оказался на базаре. Вернулся к Волге. Опять прошел мимо тюрьмы. Вечерело. Успокоение не наступало. Куда идти? «Где оскорбленному есть чувству уголок?»

Подшел к дому, во дворе которого во флигеле жила семья Ульяновых. С радостным восклицанием бросился к «дяде Ване» Саша.

— Дядя Ваня, дядя Вань, у нас есть Володя!

Родители радуются рождению детей. А дети еще больше радуются появлению братишек и сестреноч. Иван Яковлевич понимал эту радость. В этой счастливой семье и он чувствовал себя счастливым. Еще острее он чувствовал всю глубину несчастий собственного детства.

— Чуваши шумною толпой...

Улыбаясь, входил Яковлев в переднюю.

— Вижу, Саша все уже успел рассказать... Тс-с. Тихо... Мать отдыхает.

Яковлев крепко пожал руку Ульянову:

— Со вторым сыном поздравляю, Илья Николаевич. Пусть будет, как и имя, железным.

— Причем тут железо?

— Чуваши имя «Владимир» искажают на языческий лад и своих детей зовут «Тимер», что означает «железо».

Без железа владеть миром нельзя. Вон Петр Первый специальным указом запретил заниматься чувашиам кузнечным делом, производить железные изделия. Народ нашел выход: воспитывает людей железных. Кует железные характеры. Даже зовут «Тимер». Имя становится народным благословением.

Позже И. Я. Яковлев не раз писал о железном характере юного Владимира Ульянова и восхищался умением будущего вождя подчинять свои чувства твердой, как сталь, воле...

Недовольство собой — слонялся полдня по городу и пришел без цветов к Ульяновым — погнало на Свягу, в лесок. Принес небольшой букет подснежников, постоял в нерешительности немного и, оставив цветы в ручке двери, ушел: беспокоить счастливую семью Ульяновых еще раз не хотелось.

Пахло весной. С Волги дул свежий ветер. Влажный и ласковый.

Дом отца и матери был маленькому Володе золотой колыбелью, по-

дарившей ему золотое сердце. Позже он загорелся мечтой Россию сделать родным домом, золотой колыбелью для всех угнетенных, надеждой и оплотом всего мира.

Тогда Яковлев не знал и не мог знать, что 10 апреля родился у друга не просто второй сын. Этот день означал рождение нового мира. Этот день позже стал праздником освобожденного человечества.

Х. Национальный герой и его армия энциклопедистов. Смерть и бессмертие

Если бы я не верил в лучшее будущее чуваш, то я не занимался бы всю жизнь ими.

И. Я. Яковлев.

И. Я. Яковлев был великим возрожденцем чувашского народа.

Анисей Мобаров.

«Будь всем, кого чувашам не хватает». И. Я. Яковлев постоянно внушал это своим ученикам. У чуваш не было Кирилла и Мефодия, Шекспира, Коменского, Ломоносова, Пушкина, Гете, Толстого, Андерсена... И. Яковлев был всем для чуваш: изобрел алфавит, писал пьесы и мечтал о театре, создал первую в России подлинно трудовую школу-интернат для детей беднейших крестьян, создал чувашскую классическую педагогику, писал стихи и рассказы, переводил Толстого, Гете, Пушкина, Андерсена...

Никто из чуваш сегодня не ответит: кем же был Иван Яковлев? В. И. Ленин назвал Яковлева человеком богатырского духа за самоотверженный труд по национальному подъему родного народа в условиях царского мракобесия, в условиях гонений и репрессий.

Что же сделано Яковлевым для родного народа?

За свою долгую жизнь, полувековую педагогическую и просветительную деятельность Яковлев сумел сделать легендарно много. Он был не только создателем письменности и литературного чувашского языка, но и талантливым писателем-реалистом, первоклассным переводчиком, издателем и распространителем книг. В 1868 г. организовал чувашскую учительскую школу. До этого во всей России не было двух правильно поставленных чувашских школ. К 1917 г. число чувашских школ в Поволжье превысило 1200. Из учительской школы, созданной Яковлевым и руководимой им в течение 54-х лет, вышли первые чувашские композиторы, поэты и

писатели, артисты, ученые, полководцы, общественные деятели, художники... В стенах этой школы осуществлены постановки первых спектаклей, в том числе и оперных, подготовлен и выпущен первый альманах лучших поэтических произведений чувашских писателей, организован сбор чувашского фольклора по 6—7 губерниям, выполнены первые монографии по чувашской этнографии, открыт педагогический музей, домовая церковь превращена в картинную галерею первых чувашских художников, а сельскохозяйственная ферма школы — в агробазу для распространения среди чуваш передовой агрономической культуры. Яковлевым лично переведены и изданы десятки брошюр по медицине. Он был первым чувашским правоведом и самоотверженным крестьянским посредником, общественным благотворителем и создателем первого чувашского приюта для сирот...

Главное же — плодотворная деятельность Яковлева, охватывавшая всех чуваш Поволжья и Сибири, создала условия для сплочения двух обособленных групп чувашского населения — анатри и вирьял — в один народ, в одну нацию. Он по существу явился отцом чувашской нации.

В кремлевском кабинете В. И. Ленина есть отдельный оттиск статьи «Современная глушь» с дарственной надписью автора статьи В. Н. Назарьева Илье Николаевичу Ульянову. Эта статья хранилась Лениным как семейная реликвия, как светлая память об отце. В статье описывается героическая деятельность двух легендарных людей по просвещению народа — Ульянова и Яковлева. Не боясь впасть в преувеличение, В. Н. Назарьев уже тогда 28-летнего Яковлева ставит на уровень национального героя, хотя им характеризуется только начало деятельности чувашского педагога.

В. И. Ленин не только читал о Яковлеве, не только слышал о нем от отца, но и прекрасно знал его лично. Глубоко уважал его за смелость и честность, за благородство и доброту.

Возвращаясь из ссылки, Ленин якобы скрывался в Симбирске у Яковлева. Знаем, что это — легенда: Ленин после первой ссылки ни разу не был в Симбирске. Но легенда говорит о многом.

Употребление Лениным слов о борьбе Яковлева за национальный подъем неслучайно.

И. Я. Яковлев всю жизнь боролся за честь и достоинство чувашского народа, его культуры и языка.

На совещании в Петербурге, на которое И. Я. Яковлев был вызван министерством в качестве эксперта, один высокопоставленный сановник позволил себе иронически заметить:

«Что же можно выразить на чувашском языке? У чуваш, наверное, слов-то нужных нет!» На это И. Я. Яковлев ответил: «Если, ваше высокопревосходительство, у человека нет ни мыслей, ни чувств, ни достаточного

знания предмета, то и на богатом словами языке он ничего разумного не сможет высказать».

Сановник «без мыслей, без чувств, без знаний» не знал, куда деться от стыда.

И. Я. Яковлев продолжал с достоинством:

«Но если у бедного народа, высокомерно считаемого диким, есть мысли, чувства, совесть и разум, то, поверьте, он сумеет найти и нужные слова для их выражения».

Аплодисментов не последовало. Подобная смелость и позже лишь для немногих стала правилом жизни. Сын и учитель бедного народа, высокомерно считаемого диким, в то же время убедительно продемонстрировал, что не только аристократ сословный может стать аристократом духа.

Национального подъема не может быть без бережного отношения к национальным сокровищам. «Чувашский народ сберег три бесценных сокровища за свою многотрудную, многовековую историю — сто тысяч слов, сто тысяч песен, сто тысяч вышивок».

И. Я. Яковлев понимал, что шовинизм является не единственным тормозом в национальном подъеме. Колонизаторский гнет непременно порождает у слабых духом раболепие и нигилизм. И. Я. Яковлев ненавидел раболепствующих кретиннов, презирал и узколюбие местных националистов: «Ничтожные люди готовы считать родной народ свой ничтожным и пытаются отмежеваться от него. Они хотят примазаться к чужой славе, к славе народа, считаемого великим. От таких людей отворачиваются и свои, не признают их и чужие. Сильные люди борются за то, чтобы прославить родной народ, сделать его великим. Они понимают, что отсутствие собственных достоинств нельзя маскировать достоинствами нации».

И. Я. Яковлев был очень сильным человеком. Он был велик. Велик как народ.

Сильными людьми были и его многочисленные ученики, просветители-энциклопедисты: К. Иванов, И. Иванов, Н. Охотников, П. Афанасьев, Ф. Павлов, Тайр Тимки, М. Трубина, И. Максимов-Кошкинский... Кем бы они ни становились, они оставались учителями народа.

Эпиграфом к последнему этюду взяты слова, сказанные Яковлевым через месяц после Великого Октября. Революция и Ленин увеличили веру Яковлева в счастливое будущее чувашского народа.

И. Я. Яковлев с юношеским задором берется за перестройку школьного дела среди чуваш, В. И. Ленину пишет о своей готовности трудиться на основе лозунгов, провозглашенных Советской властью, которую называет народовластием.

В 1922 г. Яковлев переезжает в Москву. Много пишет и думает о судьбах родной культуры. Встречается со своими воспитанниками.

кой женщины в жизни родного народа. Женщина, по мнению И. Я. Яковлева, не только мать своих детей, но и мать племени; будущее народа — в руках женщины-матери, в ее золотом сердце. Женщина-мать должна совершенствоваться и оберегать родной язык, любить его и эту любовь прививать своим детям.

Близость любого чувашского деятеля к народу И. Я. Яковлев ставил в зависимость от того, на каком языке он обращается к сородичам — сопатриотам. И в своем «Духовном завещании» он настойчиво внушал мысль: «Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного... Служить великому Отечеству можно не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших».

Старость делала свое разрушительное дело. Яковлев все дряхлел. И телесно и духовно. Склероз мозга все более парализовывал память и мысль. Он забыл греческий язык, на котором совсем еще недавно мог часами декламировать Гомера. Забыл латынь. Уходили из памяти французские слова. Язык любимого Гете, которым пользовался как родным, для него становится мертвым. Он уже не помнил, что в Берлине говорил на баварском диалекте и принимали его за баварца, а в Баварии его принимали из-за берлинского произношения за жителя Берлина. Осенью 1930 г. склероз сковал нервные связи, которые в свое время сделали русский язык для Яковлева столь же родным, что и чувашский. Шел обратный процесс во всем организме великого старца — с конца к началу. Остался один чувашский язык. Но не оставалось дней. Когда Яковлев произнес слово «Анне» (мама), чувашский врач, друг семьи, сказал:

— Первое слово стало последним. Патриарху чуваш жить осталось немного...

Анне даже для человека, не помнящего родную мать, священна: «Анне — кебе»... («Мать — верховный бог»...) Слова умерли, но сознание еще работало.

Слабеющей рукой Яковлев делал какой-то жест. Не поняли. Позвали жену. Екатерина Алексеевна, преданнейший друг, со слезами развязала расшитый чувашским орнаментом маленький мешочек. На него, висевшего у изголовья, до сегодняшнего дня никто не обращал внимания. Удержать мешочек сил не хватало. Упал на грудь. Едва заметно шевельнулись губы. То ли это были слова прощания, то ли последний поцелуй с родной землей. На широкую обнаженную грудь землистого цвета высыпалась земля. Земля, взятая во дворе школы перед отъездом в 1922 г. Родная земля. Кусочек любимой Чувашии. Символично было слияние тела с землей того же цвета. Яковлев был неразрывной частью народа земли чувашской.

Глаза закрылись. Никакого страдания на лице. Как будто уснул. Выкатилась одна — единственная слеза, заблестела на седой бороде.

Смерть обыкновенна. Человек необыкновенен.